

В. И. Карасик^{1,2}, Ли Инин²

¹ *Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва*

² *Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай*

Аксиологическая специфика китайских сказок

Рассматриваются ценностные характеристики китайских сказок. Показано, что фольклорные сказки представляют собой неоднородное множество текстов, которое может быть представлено в виде жанрового поля, состоящего из прототипных и маргинальных коммуникативных образований (первые, в отличие от вторых, включают волшебных героев и волшебные предметы). Всем сказкам свойственна назидательность, которая может быть выражена в комментарии к содержанию сказочного нарратива в виде высказываний с модальным оператором долженствования. В содержании сказок можно выделить универсальные и этноспецифические характеристики, первые включают типичные сказочные формулы развития сюжета и типичные человеческие качества, заслуживающие похвалы либо порицания, вторые сводятся к особенностям конкретной лингвокультуры. Для китайских сказок характерны эстетическое отношение к реальности, почтительность к родителям, приоритетность коллективного блага по сравнению с благом индивидуальным, острая критика социальной несправедливости.

Ключевые слова: китайские сказки, нарратив, ценности, этнокультурная специфика, назидание.

Сказки – повествования о событиях, участниками которых являются волшебные существа и сюжеты которых представляют собой назидание, – отражают обстоятельства и реалии жизни рассказчиков и слушателей этих историй. В них противопоставляются добрые и злые герои, приводятся примеры правильного и неправильного поведения, при этом фольклорная сказка всегда завершается счастливым концом. Исследования, посвященные различным характеристикам сказок, составляют огромную библиотеку. Основные характеристики сказки пока-

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, 117485, Россия; vkarasik@yandex.ru); профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (МаЧан Роуд, 117, Дистрикт ХэСи, Тяньцзинь, 300204, Китай)

Ли Инин – кандидат филологических наук, профессор, директор института европейских языков Тяньцзиньского университета иностранных языков (МаЧан Роуд, 117, Дистрикт ХэСи, Тяньцзинь, 300204, Китай; yingying@mail.ru)

заны в хрестоматийном исследовании В. Я. Проппа [1928]. В научной литературе детально освещены фольклорные, языковые и социальные характеристики сказок [Жирмунский, 1979; Медриш, 1980; Мелетинский, 1983; Неклюдов, 1984; Веселовский, 1989; Томашевский, 1999; Новик, 2001; Плахова, 2013; Thompson, 1961; Roberts, 1980], показана специфика героя волшебной сказки по сравнению с героем романа [Силантьев, 2009]. Вместе с тем для исследователя представляют интерес ценности, определяющие развитие сказочных сюжетов в разных лингвокультурах.

Существующие подходы к классификации сказок базируются на классическом труде А. Аарне, уточненном в исследовании С. Томпсона [Thompson, 1961]. Эта классификация является тематической и представляет собой перечень, в котором выделяются сказки о животных, волшебные, религиозные, реалистические и др. Авторы статьи предлагают модель описания сказок, включающую универсальные и этноспецифические характеристики сказочных нарративов и вытекающие из этих нарративов ценностные ориентиры поведения. В данной работе рассматриваются китайские сказки, содержание которых позволяет выделить специфические нормы поведения, свойственного китайцам. Сказки как фольклорный жанр неоднократно привлекали к себе внимание китайских исследователей [Li, 1996; Lan, 2009; Zhang, 2009; Zhang, Lauer, 2015], но в аксиологическом аспекте эти тексты, по нашим данным, еще не рассматривались.

В сказке **«Волшебная картина»** говорится о том, что в одной деревне жили юноша с матерью, они бедствовали, испытывали постоянный голод, поскольку сборщики налогов отнимали у людей почти всё. Однажды мать послала сына на рынок купить немного редьки, но вместо еды сын купил картину, на которой изображена прекрасная девушка. Ночью изображение ожило, девушка появилась в комнате и поручила герою купить цветных шелковых ниток, из которых она сделала прекрасные ткани. Но она попросила юношу никому не рассказывать об этом. Он стал продавать эти ткани, у них появился достаток, но однажды на рынке стражники арестовали его, обвиняя молодого человека в том, что ткани украдены. Он рассказал им о чудесной картине, а вернувшись домой, увидел, что изображение исчезло. Его мать сообщила герою, что девушка в слезах сошла с картины и передала герою просьбу искать ее в волшебной стране на западе. Он тут же отправился на поиски, преодолевая в пути горы и реки, и однажды остановился на ночлег у одного монаха, который предупредил героя о том, что комнате нельзя ничего трогать. Юноша случайно обнаружил потайную дверь, вышел ночью в сад и встретил там свою любимую девушку, которая сказала ему, что старый монах – это злой оборотень, похитивший ее. Они совершили побег, улетая на куске ткани, девушка сразилась с оборотнем и победила злодея украденным у него волшебным мечом. Герои возвратились домой и стали жить счастливо.

Универсальные характеристики этого сказочного сюжета – встреча с чудесным персонажем, нарушение запрета, поиски пропавшего героя, поединок с колдуном, счастливый побег из плена. Специфические особенности данной сказки состоят в описании реалий древнего Китая: бедствующие крестьяне, постоянный голод, чрезмерные налоги, прекрасные ткани, старый монах, под видом которого скрывается колдун, сражающаяся девушка. В этой сказке можно увидеть ценности и нормы поведения, характерного для китайской лингвокультуры. Прежде всего, это эстетический взгляд на мир. Встреча с чудом проявляется в виде прекрасной картины. Подчеркивается значимость удивительно красивых тканей, которые создает волшебная девушка. Обратим внимание на гармоничные отношения между матерью героя и волшебной девушкой – мать не делает замечаний ни сыну, ни его избраннице. Совершая побег, героиня сражается с колдуном, тем самым показывая, что в определенных обстоятельствах женщина может взять в руки оружие. По-видимому, универсальной характеристикой данного сказочно-

го нарратива является гендерная асимметрия в поведении мужчин и женщин: герой проявляет себя как обычный земной человек, ему свойственны человеческие слабости, но он способен на большую любовь и ради этого готов пройти любые испытания, героиня же представляет собой волшебное существо, она способна принести в дом богатство, но не может противостоять чарам более могущественных волшебников, хотя при помощи обычного человека одерживает верх над своим работодателем. В этой сказке четко показаны социальные реалии древнего Китая: всевластные бессердечные сборщики дани и стражники резко противопоставлены трудовому народу.

В сказке «**Волшебный кнут**» рассказывается о мальчике, которому пришлось вместе со своим дедушкой уйти из родной деревни, чтобы спастись от голода. В дороге дедушка умирает, но у мальчика нет денег на похороны. Он обращается с просьбой дать деньги к местному богачу, тот дает три связки мелких монет, а за это мальчик должен три года работать у него. Мальчик пасет овец, и однажды одну задирает волк. Вернувшись, мальчик получает от своего хозяина побои, и тот требует, чтобы пастух шел в лес искать пропавшее животное. Блуждая по лесу, юный пастух спасает тонущего в реке старика, и тот в благодарность рассказывает мальчику о волшебной горе, где можно найти драгоценности. Мальчик приходит на эту гору, залезает на дерево, чтобы переночевать, а в это время туда приходит группа зверей во главе с тигром, который приказывает обезьяне пойти в пещеру и принести волшебный кнут. Обезьяна исполняет приказ, шелкает кнутом, и появляется скатерть с яствами. Когда звери уходят, мальчик находит эту пещеру и возвращается в деревню, чтобы угостить всех такой едой. Богач узнает об этом, мальчик рассказывает ему о волшебной пещере с драгоценностями, богач идет туда, но звери замечают его и съедают.

Универсальные характеристики этого нарратива сводятся к описанию начального бедственного положения героя, чудесного обретения волшебного предмета, приносящего богатство, зависти со стороны противника главного героя и напрасной попытки завладеть этим богатством. Китайская специфика повествования заключается в подчеркивании голода как основного состояния простых людей, в характеристике древних бронзовых китайских монет, у которых было квадратное отверстие посередине и которые носились в связках, в описании животных, в том числе тигра и обезьяны – представителей фауны Китая. Обратим внимание на ценности, выдвигаемые на первый план в этом сюжете. Это долг чего бы то ни стоило похоронить близкого человека и радость от возможности угостить всех нуждающихся. В сказке используется гипербола: за три связки монет (цена простых похорон) мальчик должен работать три года. Тем самым подчеркивается, насколько дешево оценивался труд простых людей. Интересно то, что мальчик взял в волшебной пещере только этот кнут и не прихватил драгоценностей, которые там хранились и ради которых богач отправился на эту гору. Можно предположить, что драгоценности не приносят счастья простым людям и не являются предметом их вождения.

Заслуживает внимания сказка «**Девушка-павлин**». В ней идет речь о старике, у которого было два сына. Старший вел разгульный образ жизни, был картежником и проиграл все, что у него было, а младший был добрым и трудолюбивым человеком. Старший сын выгнал из дома отца и брата, чтобы продать имущество и расплатиться долгами. Уходя, отец снял со стены старую картину, на которой были изображены павлин и курочка. Изгнанники нашли приют в пустой кумирне у дороги. От горя отец сильно заболел. Однажды ночью, когда отцу было особенно плохо, вся комната засияла, павлин соскочил из картины на пол и превратился в прекрасную девушку, рядом с которой стояла белая курица. Девушка вытащила из кармана своего одеяния зерна, разбросала их, курица склевала эти зерна и снесла золотое яйцо. Девушка сказала молодому человеку, чтобы тот продал

яйцо и купил больному отцу лекарства. Через некоторое время отец выздоровел, а девушка попросила принести ей желтых и белых шелковых нитей. Юноша исполнил просьбу, и девушка превратила нити в золотые и серебряные монеты. Молодой человек сказал ей, что любит ее и просит ее стать его женой, она согласилась. Они купили дом в соседней деревне и стали там жить. Однажды к ним постучался нищий. Это был старший сын. Увидев их, он убежал прочь, бросился с обрыва в реку и утонул.

Универсальные признаки сказочного повествования здесь – противостояние старшего и младшего братьев как отрицательного и положительного героев, тяжелое испытание, которое пришлось пережить младшему брату, появление чудесного помощника в лице прекрасной девушки и наказание отрицательного героя. Специфические китайские характеристики данной сказки таковы: картина на стене, даже в бедном доме, павлин и курица как представители китайской фауны, осознание того, что лекарство может быть не по карману бедняку. Нельзя не заметить выраженные нормы поведения, выступающие в качестве жизненных ориентиров у героев: отец и младший сын смиренно принимают сложившиеся обстоятельства и без протестов покидают дом; разгульная жизнь, которую ведет старший сын, приводит его к краху; сын должен ухаживать за своим заболевшим родителем; в самый трудный момент непременно придет чудесное спасение; невозможно жить, потеряв лицо. Обратим внимание на то, что, получив чудесное богатство, молодой человек со своей женой и его престарелый отец усердно трудятся на своем участке земли, хотя могли бы безбедно существовать, продавая золотые яйца или превращая шелковые нити в деньги. Во многих сказках старший брат оказывается отрицательным персонажем. Вероятно, это объясняется не столько психологическими, сколько экономическими причинами, поскольку старший сын является основным наследником родительского хозяйства, а ситуация оценивается с позиции младшего сына.

Поучительна сказка «Желтый аист». В ней рассказывается о том, что в одном городе жил бедный студент, у которого не было денег на еду. Но хозяин местной чайной по доброте душевной угощал его бесплатно. Перед тем как уйти из города, студент решил отблагодарить своего покровителя, нарисовав на стене харчевни желтого аиста, который был как живой. Студент сказал хозяину чайной, что птица сможет принести тому много денег: нужно лишь хлопнуть трижды в ладоши и аист будет танцевать. Но ни в коем случае нельзя заставлять птицу танцевать для одного человека. Когда в чайной собрался народ, хозяин решил проверить сказанное, хлопнул в ладоши, и аист начал танцевать. Слухи об этом разнеслись повсюду, и эта чайная процветала. Однажды туда пришел один чиновник, приказал своим слугам выгнать всех посетителей, высыпал перед хозяином кучу денег, и тот, забыв обо всем, хлопнул в ладоши. Аист нехотя сошел со стены, немного потанцевал, вернулся назад и более не спускался. А ночью в дом кто-то постучал, хозяин открыл дверь, на пороге стоял студент. Не глядя ни на кого, студент достал дудочку, начал играть, аист соскочил со стены и пошел вслед за ним. С тех пор их никто не видел.

Универсальные сказочные компоненты сюжета сводятся к чудесному подарку, неперемому условию, нарушению этого условия и наказанию провинившегося. Эти компоненты соответствуют нарушению запрета как одному из основных принципов сюжетостроения сказки. Китайская специфика повествования заключается в подчеркивании статуса чиновника как человека, который имеет право диктовать условия поведения окружающим. Представляется возможным выделить в этом нарративе следующие ценностные установки: следует платить добром за добро; благо для коллектива важнее, чем благо для одного человека; не следует преувеличивать значимость денег; любое чудесное обретение может исчезнуть.

К числу наиболее известных китайских сказок относится повествование «**Братья Лю**». В нем идет речь о чудесных способностях пяти похожих друг на друга братьев: первый мог выпить море и выпустить его обратно, второй не боялся огня, третий вытягивал ноги на любую длину, у четвертого тело было крепче железа, а пятый понимал язык зверей и птиц. Однажды, когда младший брат пас коз, мимо проезжал приехавший поохотиться правитель тех мест, он прицелился из лука в козочку, но Лю-пятый успел ее предупредить, и она скрылась. Он предупредил и всех других животных, и охотник остался ни с чем. Тогда правитель приказал посадить этого человека в тюрьму, а на следующий день – отрубить ему голову. Ночью в тюрьму пробрался Лю-четвертый и подменил брата. Во время казни меч отскочил от его шеи. Правитель приказал сжечь узника на костре, но в тюрьму проник Лю-второй, и огонь не причинил ему никакого вреда. Властитель приказал сбросить узника с высокой скалы, но братья вновь поменялись местами, Лю-третий вытянул ноги и остался жив. Тогда правитель решил утопить непокорного Лю, но на корабль проник Лю-первый и, оказавшись на дне с привязанным к шее камнем, выпил море, а затем выпустил его обратно, и правитель со своей свитой оказался на илистом дне и утонул. Народ радовался гибели злого властителя и прославлял братьев Лю.

Этот сюжет достаточно прост, его универсальные характеристики сводятся к невозможности уничтожения волшебного положительного героя. Этнокультурное своеобразие данной сказки состоит в представлении героя как множества субъектов (братья как коллективный герой), обладающих сверхъестественной способностью. В символическом плане речь идет о противостоянии народа и тирана. Обычно жестокому правителю противостоит один герой. Ценностные установки этого нарратива могут быть сформулированы следующим образом: несправедливые и жестокие властители должны быть наказаны, а положительные герои непременно спасутся. В сказке «Братья Лю» показано идеальное положение дел.

В сказке «**Волшебный котел**» рассказывается о том, что один крестьянин во время полевых работ наткнулся на большой котел, принес его домой, случайно уронил в него нож и увидел, что в котле оказалось два ножа. Он стал бросать туда разные предметы, и они удваивались. Его сосед узнал об этом и решил с ним судиться, поскольку котел был найден на границе между их земельными участками. Судья выслушал обоих спорщиков, бросил в котел золотую монету и постановил оставить котел у себя. В это время в комнату судьи влетели пчелы, они оказались в котле и, вылетая, стали жалить блюстителя закона. Пытаясь убежать, он разбил котел, но был так зажален, что его с трудом в течение года смогли вылечить лучшие лекари, при этом от укусов пчел судья потерял один глаз и окривел.

В этом нарративе говорится о жадности. Его универсальные характеристики сводятся к констатации того, что чудесное обретение может принести его хозяину вред. Китайская специфика сказки «Волшебный котел», по-видимому, состоит в критике всевластных несправедливых судей. Назидание, которое содержится в данном повествовании, можно сформулировать в следующем виде: чудесное обретение рано или поздно отнимут; несправедливо присвоенное принесет его владельцу вред; не следует завидовать тому, кто нашел сокровище, – находка может оказаться опасной. Этот сюжет интертекстуально перекликается с английской сказкой о волшебном котелке с кашей, которая выползла из сосуда и залила всю деревню. Мы понимаем, что умеренность по праву относится к числу важнейших, но редко встречающихся добродетелей.

Некоторые сказки по своей тематике пересекаются с легендами – сказаниями о героических поступках богов и героев.

Сказание «**Богиня печи**» посвящено героическому поступку дочери кузнеца. В давние времена жил один кузнец, мастер своего дела, жена у него умерла, и он

один воспитывал дочь. И случилась с жителями его селения неожиданная беда – пришел с гор железный черный бык и стал вытаптывать все посевы на полях. Ему принесли на блюдах всякие яства, умоляли вернуться в горы, затем смельчаки попытались прогнать его ножами и мечами, но все было напрасно. Попросили жители помощи у начальника уезда, и тот приказал собрать всех кузнецов и придумать способ расплавить чудовище. Построили огромную печь, загнали туда железного быка, но не брал его огонь. И тогда дочь кузнеца, прекрасная семнадцатилетняя девушка, прыгнула в печь, обняла животное, и оно растаяло в пламени вместе с ней. Начальник уезда заглянул в печь, чтобы убедиться в этом, повалил из печи черный дым и выел ему глаза. А расплавленный металл превратился в большую железную болванку, из которой сделали статую отважной девушки и написали на ней такие слова: «Слава тому, кто ради спасения людей смело прыгнул в огонь».

Универсальные признаки этого нарратива состоят в необходимости жертвоприношения для борьбы со сверхъестественным злом. Эта тема отражает архетипические установки древнего мира, где в качестве жертвы часто брали прекрасных девушек. Возможно, китайская специфика этого повествования заключается в добровольном самопожертвовании, которое совершила дочь кузнеца, а также в описании поведения уездного начальника, распорядившегося усмирить чудовище и приехавшего проконтролировать исполнение приказа. Резко отрицательное отношение к чиновникам прослеживается во многих китайских сказках. Судьба наказывает этого человека, а в память о подвиге девушки создают железную статую. Не исключено, что таким образом был обозначен переход от бронзового века к железному. Нормы поведения, образующие содержательный каркас этого повествования, таковы: надо быть готовым к внезапным стихийным бедствиям; обычными способами со стихией не справиться; высшим проявлением заботы о людях является самопожертвование; герой, совершивший подвиг, должен быть увековечен.

Прямое назидание выражено в сказке «**Заячий хвост**». В этом повествовании рассказывается о том, как в давние времена зайцы потеряли свои красивые пушистые хвосты. Играя на берегу реки, увидели зайцы лужайку с нежной зеленью и захотели ею полакомиться, а плавать они не умели. Решили они хитростью переправиться через реку на спинах черепах и для этого попросили большую черепаху привести к реке ее детей, чтобы узнать, у кого детей больше – у черепах или зайцев. Черепаха согласилась, и зайцы, прыгая с панциря на панцирь, добрались до берега и стали кричать, что они обманули черепах. Но заячьи хвосты еще оставались на черепаших спинках. Услышали это черепахи и откусили красивые хвосты, с тех пор у зайцев маленькие хвостики-обрубки.

Универсальные характеристики этого повествования состоят в демонстрации наказанной хитрости. По своей организации данная сказка представляет собой притчу, ее герои – животные, их волшебные свойства состоят только в способности изъясняться речью, подобно людям. Китайская специфика этого нарратива состоит в тематике обмана – в Поднебесной считалось большим благом иметь много детей; в этом плане состязание между черепахами и зайцами отражает народные представления о благополучии. Ценностные установки, заложенные в этом тексте, таковы: не следует хитрить, обманщик будет наказан; наказанием за обман бывает потеря того, чем более всего гордится обманщик; нельзя смеяться над теми, кто оказал тебе помощь. Честное и открытое поведение заслуживает одобрения, неблагодарность в любом виде осуждается. Интересно отметить, что в приведенном тексте зайцы выступают в качестве воплощения хитрости, в других культурах обычно эти животные аллегорически служат примерами трусости и хвастовства. Впрочем, по-настоящему хитрое существо должно быть осторож-

ным, а зайцы стали прыгать и смеяться над черепахами, не до конца соскочив на берег.

В китайских сказках находит отражение острая социальная критика сложившегося порядка вещей.

В сказке «**Император и мышь**» рассказывается о том, что в покоях монарха завелась мышь. Он никогда не видел этих животных, испугался, и его придворные тоже испытали страх перед грызуном. Все вместе решили, что это страшный оборотень, с которым нужно обращаться очень вежливо. Мышь увидела такое к себе отношение, стала вести себя предельно нагло, проела драгоценные одежды императора, спокойно расхаживала по всему дворцу. Император призвал героев изловить чудовище и в награду пообещал много золота и драгоценных тканей. Узнал об этом молодой крестьянин, пришел во дворец со своим котом, кот выскочил и мгновенно убил мышь. Было решено оставить кота во дворце. Один помещик позавидовал крестьянину. В то время император решил набрать во дворец наложниц, и этот помещик отправил к нему свою дочь. Император, оставив ее себе, сказал богачу, что во дворце больше нет оборотней и в качестве награды за девушку он жалует помещику чудесного зверя, за которого было уплачено много золота и прекрасной ткани. Так и получил помещик кота вместо дочери.

Приведенный текст не вполне вписывается в жанр сказок, здесь нет волшебных существ и предметов. Но назидание в этом нарративе отчетливо выражено. Универсальные признаки этого сюжета сводятся к описанию глупого поведения представителей власти и находчивости простого человека. Китайская специфика повествования состоит в перечислении местных историко-культурных реалий: награда включает драгоценные ткани, которые очень ценились в стране, рассказывается также о наборе наложниц во дворец – такая практика имела место лишь в некоторых восточных монархиях. В этой сказке содержатся следующие установки, отражающие народную систему ценностей: следует иметь объективное представление об окружающей реальности; следует использовать глупость властей в своих интересах; не следует проявлять жадность.

Китайские народные сказки представляют собой неоднородную совокупность текстов и могут быть представлены в виде жанрового поля, включающего прототипные и маргинальные коммуникативные образования, первые характеризуются наличием волшебных героев, предметов и обстоятельств, во вторых эти характеристики не прослеживаются. Всем сказкам присуща назидательность, которая может быть выражена в виде высказываний с модальными операторами долженствования (как следует или не следует себя вести). Подобные высказывания обычно отсутствуют в тексте сказок и могут появляться как комментарии к ним. В содержании сказок можно выделить универсальные и этноспецифические характеристики. Первые касаются типичных действующих лиц, обстоятельств сказочного текста и типичных человеческих качеств, которые показаны в этих нарративах (любовь, героизм, благодарность, с одной стороны, и жадность, хитрость и глупость, с другой стороны). Вторые относятся к особенностям этнокультуры, в частности для китайской культуры характерны подчеркнута эстетическое отношение к реальности, акцентированная почтительность детей по отношению к родителям (что характерно для азиатского ареала в целом), приоритетность блага для коллектива по отношению к благу для индивидуума, отчетливо выраженная критика жестокой и несправедливой власти.

Список литературы

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.

Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и запад. Л.: Наука, 1979. С. 336–343.

Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 296 с.

Мелетинский Е. М. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура: Тр. по знаковым системам. Вып. 16. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1983. С. 115–125.

Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 221–229.

Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: Изд-во Российск. гуманит. ун-та, 2001. С. 122–162.

Плахова О. А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: Моногр. Тольятти: Изд-во Тольят. ун-та, 2013. 308 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. ст. Н. Д. Тамарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.

Lan Y. A study of folklore from cultural aspect // Journal of Chifeng Univ. 2009. N 30(7). P. 80–82.

Li Y. A Morphological Study of Chinese Folktales. Shantou: Shantou Univ. Press, 1996.

Roberts M. Chinese Fairy Tales and Fantasies. New York: Pantheon Books, 1980. 288 p.

Thompson S. The Types of The Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki: Suomalinen Tiedakatemia, 1961. 581 p.

Zhang J. The vitality and validity in the transmission of tradition (传统传承中的有效性与生命力) // Journal of Wenzhou Univ. 2009. Vol. 22. P. 12–17.

Zhang Y., Lauer G. How culture shapes the reading of fairy tales: a cross-cultural approach // Comparative Literary Studies. 2015. Vol. 52, No. 4. P. 663–681.

V. I. Karasik¹, Li Yingying²

¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China, vkarasik@yandex.ru

² Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China, yingying@mail.ru

Axiological specificity of Chinese fairy tales

The paper deals with values expressed in Chinese fairy tales. We argue that folklore tales make a heterogeneous variety of texts which can be represented in a genre field including prototype and marginal communicative entities (the former includes magic heroes and artefacts whereas the latter lacks them). Fairy tales as a genre are characterised by manifested edification which can be expressed as a commentary to a tale content. Such a commentary to the narrative contains an obligation indicator which is to be understood as a practical piece of advice to listeners concerning their future life. Ethnographically, it is possible to contradistinguish universal and specific features in fairy tales content. The former include typical scenarios of magical plot development and typical human qualities which deserve praise or dispraise (love, heroism, gratitude, on the one hand, and avarice, slyness and foolishness, on the other), the latter deal with peculiarities of local

culture. Such peculiarities expressed in Chinese fairy tales focus on the aesthetic presentation of the world, respect to parents and elderly people, the priority of collective will, as compared to the individual benefit, and severe criticism of social injustice.

Gender stereotypes in Chinese fairy tales reflect the differentiation of masculine and feminine behaviour as manifested in folklore texts. A man is depicted as a simple person who has to undergo various trials, and after he becomes stronger and wiser whereas a woman as the main character has some magic properties, she is beautiful and wise, but she actually does not change. A younger brother is depicted in fairy tales analysed as a positive character whereas an elder brother is the embodiment of prodigality, greed and envy. In the end, an elder brother is usually punished, and the younger brother is awarded for his kind heart and modesty. Imperial officers and guards are depicted in Chinese fairy tales as ruthless and entirely corrupted personalities, suggesting that social hierarchy in ancient China was disregarding the life of ordinary people, and the justice could be restored only by magic. It is interesting that an emperor may be either evil or neutral, but his ministers and landlords are always wicked. Chinese fairy tales reflect values of everyday peasant life in the country, focusing on hard labour, endurance, filial piety and optimism.

Keywords: Chinese fairy tales, narrative, values, ethnic cultural specificity, edification.

DOI 10.17223/18137083/64/3

References

- Lan Y. A study of folklore from cultural aspect. *Journal of Chifeng University*. 2009, no. 30(7), pp. 80–82.
- Li Y. *A morphological study of Chinese folktales*. Shantou, Shantou Univ. Press, 1996.
- Medrish D. N. *Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki* [Literature and folklore tradition. Problems of poetics]. Saratov, izd. Saratovskogo univ., 1980, 296 p.
- Meletinskiy E. M. Semanticheskaya organizatsiya mifologicheskogo povestvovaniya i problema sozdaniya semioticheskogo ukazatelya motivov i syuzhetov [Semantic organization of a mythological narrative and the problem of compiling of a semiotic index of motifs and subject plots]. In: *Tekst i kul'tura: Tr. po znakovym sistemam. Vyp. 16* [Text and culture: Works on sign systems. Iss. 16]. Tartu, izd. Tartus. univ., 1983, pp. 115–125.
- Neklyudov S. Yu. O nekotorykh aspektakh issledovaniya fol'klornykh motivov [On some aspects of folklore motifs investigation]. In: *Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography: The ethnographic origins of folklore subjects and images]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1984, pp. 221–229.
- Novik E. S. Sistema personazhey russkoy volshebnoy skazki [A system of Russian magical fairy tale personages]. In: *Struktura volshebnoy skazki* [The structure of the magic fairy tale]. Moscow, izd. Rossiysk. gumanit. univ., 2001, pp. 122–162.
- Plakhova O. A. *Lingvosemiotika angliyskoy skazki: zhanrovoye prostranstvo, znakovaya reprezentatsiya, diskursivnaya aktualizatsiya: Monogr.* [Linguistic semiotics of an English fairy tale: genre space, sign representation, discourse actualization]. Tolyatti, izd. Tolyat. univ., 2013, 308 p.
- Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale]. Leningrad, Academia, 1928, 152 p.
- Roberts M. *Chinese Fairy Tales and Fantasies*. New York, Pantheon Books, 1980, 288 p.
- Silant'yev I. V. *Syuzhetologicheskiye issledovaniya* [Plot studies]. Moscow, LRC Publ. House, 2009, 224 p.
- Tomashevskiy B. V. *Teoriya literatury. Poetika: Ucheb. posobiye* [Theory of literature. Poetics: manual]. Intr. Article by N. D. Tamarchenko, comments by S. N. Brojtman and N. D. Tamarchenko. Moscow, Aspekt Press, 1999, 334 p.
- Thompson S. *The Types of The Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen*. Transl. and enlarged by S. Thompson. Helsinki, Suomalinen Tiedakatemia, 1961, 581 p.
- Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 404 p.
- Zhang Juwen. The Vitality and Validity in the Transmission of Tradition (传统传承中的有效性与生命力). *Journal of Wenzhou University*. 2009, vol. 22, pp. 12–17.
- Zhang Yehong, Lauer G. How culture shapes the reading of fairy tales: a cross-cultural approach. *Comparative Literary Studies*. 2015, vol. 52, no. 4, pp. 663–681.
- Zhirmunskiy V. M. K voprosu o mezhdunarodnykh skazochnykh syuzhetakh [On the problem of international fairy tale subject plots]. In: Zhirmunskiy V. M. *Sravnitel'noye literaturovedeniye. Vostok i zapad* [Comparative literary criticism. East and West]. Leningrad, Nauka, 1979, pp. 336–343.